

ИГОРЬ ПЛЕВАКО

ТЕЧЕНИЕ

Тольятти 2015

ББК 84(2Рос - 4Сам - 2Тол) 6 - 5
П21

Игорь Плевако. «ТЕЧЕНИЕ». –
Тольятти, Литературное агентство В. Смирнова,
2015. – 104 с.

ISBN - 85234-180-0

В первую книгу тольяттинского поэта Игоря Плевако вошли
стихотворения разных лет.

© И. Плевако, 2015
© М. Шляпина, 2015
© Литературное агентство В. Смирнова, 2015

ТЕЧЕНИЕ

Часто произносятся милые слова: свобода, необходимость,
Человек не мучается мыслями, что его ведет: это ли, то.
Конкретность явна, например, в том, что вчера был ходовой примус,
А нынче электроплитка, вчера зима была и он носил пальто,

Нынче же лето и он бегаёт в шортах, а в тех словах вся конкретика,
В том, что её ищут с утра до вечера и с вечера до утра
И от этого болит у ищущего её теоретика
Головушка, а будет дальше искать — боли дойдут и до нутра.

Может быть, что неопределённость-то как раз и даёт позитив
Мышления, возможность строить воздушные замки, а тишь вечера
Чувствовать благом, по крайней мере, пока есть силы и задор жив,
И вроде, больше того, как об этом думать и делать нечего.

Под лучами юга выщвела любовь наша,
Выщвели ее храмы: леса, озера.
Выщвело все, что тогда было солнца краше
И, увы, это не просто речь позера.

Все, что начиналось с дивной яркости красок,
Стало цветом травмирующей душу
Серости, то, как сидели в одних школьных классах
И ты языком, как накат волны сушу,

Облизывала губы, как задралось платье,
Когда, скользя при очередном подъеме
На гору, ты едва не сорвалась в объяття
Камней и осин, сросшихся в буреломе.

Но в траву вцепившись, даже упасть рискуя
Ты, в меня нацелив взгляд, все же пытала:
Какое на меня, раскрывшись так шало,
На высоте, где качала верхушкой туя,

Произвела впечатление твоя попка,
А может не это, а что-то другое
Взгляд спрашивал — не знаю. Все времени топка
Давно слопала. Но, презрев сласть покоя,

Все несет меня по колдобинам и кочкам
Воспоминания ретивая тройка.
Так трясет, словно кто-то лупит по почкам,
Но тебя не забывший держится стойко.

К ЖИЗНИ

Постой спокойно, не беги, дай я тебя сфотографирую.
Ну что за непоседливость? У тебя что — шило в одном месте?
Замедли движение на один миг хотя бы в объятиях с лирою,
В форме какой-то традиции, в сущностном манифесте

Твоих принципов. И время с тобой. Даже через пень-колоду
Когда все у тебя — оно остается тем, чем есть — бисером
Бликов на картине твоей дремы и зал вопит: «Брависсимо», —
И под лежащий камень вода начинает течь, чего средю

Не было, и казалось народу и быть не могло — однако...
Грусть в том, что плохо выразим ракетами, автомобилями
Бег твой. Скорей хвастовством придурков: «Уж его били, били мы», —
Или сменой цвета на ногти модниц наносимого лака,

Или ностальгией о чем-то, что было и много значило,
И что уже никогда не будет: тем чудом, по крайней мере,
Что в образе единственной вдруг вынырнуло из собачьего
Январского холода перед молодым человеком в сквере.

Происходящие за короткое время изменения в мире
свидетельствуют о динамике наших дней.

Из газет.

О какой такой особой динамике
Разных мировых процессов речь.
Выраженная главным фактором — отсутствием денег в кармане
Жизнь постоянна как дым от свеч,
Как потребность строительства в керамике,
Как роль волос на голове, как бы при стрижке их не обкорнали.

Пускай даже эти процессы достигнут скорости рапид-съёмки.
Мнится наш короткий век
Их частота не смутит, он так короток,
Что, пока дабы стать частицей поземки
Кружит на глазах у всех
Снежинка, родится дитя и умирает, наврав с три короба

Политик, огромные расстояния,
Не смущающие ум,
А лишь волнующие чувства, явив тем совпадение наше
В частотах и здесь, не зная заранее
Своей судьбы, пролетает Земля, и любят на ней чувством краше
Чар, кои струит парфюм.

Поскольку век людской с мышиньй хвостик
Не может быть патриархальность в укоризну,
Если она есть то, как был воспитан
Ребенок в детстве обществом. Ведь через призму
Дня нынешнего с его колоритом
Все мнится в былом глупостью. Лишь в гроздьях

«Пальчиков дамских» или «Изабеллы»,
И то преобразованных в янтарность
Вина, видится что-то с явственно разумным
И четким абрисом, пусть за пределы
Рамок привычных не зовет, и в жар нас
От счастья не бросает, как скользнув по гумнам

И принеся соломы сладкий запах
В дрожь зимний ветерок, так что с людским веком
С мизер, патриархальность неся протяженность
В самом смысле своем, не сходятся как бонус
В словесной игре с пандусом, форс с хеком,
А фарт с «везеньем» кувыркнутся за борт.

Кепка лежит на голове невысокого усача блином,
Он бегаёт, суетится. Другой сморкается нервно.
Мы все копии типажей в прошлом созданных Чаплином,
Может только не предмет моей любви, моя царевна.

На автобусной остановке в форс-мажорном городе,
Где прожил незаметно для себя половину жизни,
Где, как агитплакат, звал в груди стучавший мотор: «Иди
Вперед, не стой: в воде застоявшейся нет для лиризма

Твоего настроения емких образов в ракурсе,
Потребном эпохе», — ожидая транспорт бабка, с кошкой
В корзинке, ищет, где сесть, жарница словно в Каракасе,
Дыханье машин пахнет нафталином и крошкой.

Хлыщ кому-то шлет эсэмэску, как его лоб прыщи
Мухи обсели бочку с квасом, громыхает конвейер
Потока машин, ветер свистит, хоть недавно лишь веял,
В стороне мужики, потрудившись честно на поприще

Закладывания за воротник, развивают тему
Футбола и приезжего цирка с тигром и эму.

Не бывают дистиллированными, как вода, любовь и гордость.
Это наш ум очищает их от всех примесей
И, очистив, сам не верит, что такие мы все
Хорошие, о чем говорит судебная хроника и твердость

Судей в вынесении приговоров. Гордость такова, что от планеты
Способна оставить только пыльное облако,
Дай ей волю — обиженной; причем, будет нежным, покупать конфеты
Детям человек и щенку молоко, чтоб лакал,

Наливать в блюдце, и по такой его нежности будут детишки
И взрослые судить о нем, а неизвестные,
Скрытые процессы в душе шириться, и об этом сказав в книжке,
Вспоминаю, как предыдущей книжкой треснула

Меня жена по голове за мысли совсем на другую тему,
Но с той же безысходностью, и пускай это не очень весело —
Стерплю удары и в будущем, только б войдя, ворча или немо
В мир, став настоящим, не накуролесило

Оно, в производное подобной гордости превратившись, то есть
В крестный путь на Голгофу, будь для кого он лишь броском под поезд.

Время социализма — время объяснения поэтов в любви к людям.
Но не помогло, видно, всю любовь поэты в себе сконцентрировали,
Что не хорошо, но не позволим над этим смеяться, а то лихо разбудим,
А его пробуждение мы с вами не планировали.

И так перетекли из прошлого чванливость чинуш, треньканье балалайкино
Болтунов, лоббирование пороков слабостью нашей природы,
Но, увы, остались там юмор и неподражаемость Райкина,
Несбывшиеся надежды, и потому что рожденные тогда стали буры

От тягот лет —

их свежесть, их объекты любви и сами они в том же качестве.
В общем, осталось много чего, чей недостаток еще и не обозначился.

Образец чего-то сентиментального, детского,
Света, в котором хочет себя душа
Выразить — это из скорлупы ореха грецкого
Сделанный кораблик, который спеша

Несет ручеек, из-под снега весной
Рожденный и, словно не зная, куда течь, шаривший
По простору, пока март, за него не спеша решив,
Не указал ему путь меж лип и хвой.

И кораблику с ним туда, где в скопище мусора
Скорлупа ореха окончит свой путь
И где раскроет снежной воде свою тьму сыра
Земля, как образ детства нам нашу суть.

Наше время на новизну не слабое.
Неизвестность — кошка, раскрытие ее — мышка.
То, о чем, бумагу пером карябая,
Многие пишут — боязнь их встречи, мысль вприпрыжку

Сбегающая от такой возможности
К другой и, видимо, всерьез, а не понарошку.
Там будет звучать рефреном надежности:
Неизвестность — мышка, раскрытие ее — кошка.

То есть люди думают, как им нравится.
И в самом деле, будущее — сплошная тайна,
Черная дыра, куда званы только на чай мы,
Но хотим на век: рыбачить сидя на траверсе,

Или где-нибудь на берегу, лобзать красотку,
Эпоху, и из чего плетется она
Понимать и воспринимать, как жизни обертку,
Нормальную ненормальность социума.

Мечтать, чтоб как вид в беспредельности достижений,
Люди шли и шли вперед, но такими же
Как есть оставались, и это на имидже
Их не сказалось, как на роце стынь мглы осенней.

Случай не стоял в сторонке, в носу колукая,
А, как царю жемчугом платье царское
Портной, украшал собой судьбы людей и, тая
От того, все его встречали с ласкою.

ВЕЧЕР С ШУТКОЙ

Люблю вечером пошевелить ушами, взять книгу.
Значит, довлеют еще надо мной привычки юности.
Помню, товарищ говорил мне: «Как паруса бригау
Тебе твои уши идут. Не уплывай, одумайся».

Взглянуть в окошко на обесцвечивающий все сумрак.
Словно небо кто-то пронзает сверкнувшей рапирой —
Метеорита след выглядит. Ну что взять с умных,
Не видевших это и живущих, этим бравируя.

Вспомнить лес, где с руки храбро семечки брала белка,
Дорогу обок нивы, засеянной озимыми,
Где с подругой гулял и глазами неотразимыми
Лишь на меня, как в компасе, только на север стрелка,

Она смотрела; будто в небе плывущие храмы —
Облака и понять, глядя, почему так насмешливо
О нем отзывается, мол, пауза для рекламы,
А не телевидение, сосед желтый как плешь его.

Ты взяла из моей сумки яблоко левой рукой, верно, была левша,
Обменялись парой слов. Куда ушла ты — не знаю.

Краса твоя изумила.

Солнце, по чистому небу двигаясь, творило летний день не спеша.

Придя в цех, про тебя рассказал товарищу,

большоголовому как Аттила.

Он решил: «Верно, прелестница из другого цеха,

в нашем таких красивых нет».

От донжуанства моей юности только томившая память о нем осталась.

Упорядоченность необходимых дел затемняла, как пыль лоск штиблет,

Мысли о твоей красе,

в своей соразмерности ни губ, ни бровей небывалость,

Не выделявшей отдельно. И так сиявший день осветил еще сильнее

Основной инстинкт, почти осязаемо чувствуя сублимацию, я четко

Ввинчивал шурупы, сосед рассказывал про надоевших уже гостей,

Приехавших из села,

сверкал одной фарой тепловоз, и скрипела лебедка.

Понимание того, как правильно себя вести
Приходит ко многим через посредство силы.
Таков род людской, куда денешься: хоть плачь, хоть свисти,
Хоть танцуй, вместо девы кружа в танце вилы.

Подобный факт доказывают действия ФСБ,
Полиции на тех, кои никак иначе
Не понимают, не способны зло подавить в себе.
И в том этих служб общественная задача.

Иногда народ, взяв за горло тех, кому не указ
Ни земной, ни божий суд, тем же правом силы
Приводит их в чувство. Есть атом, который греет нас,
А есть уничтожающий, плодивший могилы.

Вот и у силы та же двоякость. С вечным знаком «плюс»
Один Бог, да и то, пока теодицея
Крепит наши мысли. Так что хоть танцуй с вилами блюз,
Хоть плачь — мы таковы. Как не правят нас цели.

Смерть есть только, когда есть жизнь,
Когда нет жизни и смерти нет.
Она очередной паразит, живущий
За чужой счет и портрет

Ее как паразита, наподобие
Микробов, глистов и проч.
Наиболее верен, и своей верностью
Может весьма помочь

В понимании, какая исходя из
Сего признака ниша
Ей соответствует в нашей логике.
И можно петь: «Ну, взгляни же

На меня, красавица», — с большей
Жизнерадостностью, раз такая
Вещь как уход в «ничто», лишь паразит,
Каких не счесть, хоть год считая.

Любовь к жене — это водой повседневности разбавленное чувство.
 Годы не могут его не разбавить, как пересказ речь златоуста.
 Влюбленность с ее быстротечностью —
 вот букет, что дурманит ароматом,
 Но его неукорененность в быту частенько грозит закатом

Собственному чуду, радости, легко соблазняющим посторонних
 На зависть, на алчку такого же счастья и, думаю, простой конюх
 Ближе к формату естественного восприятия счастья чужого,
 Чем о себе много мнивший. О, букет, в коем страстью и взгляд и слово

Наполнены, как туманом от быстрого похолодания округ,
 С темью лесопосадки, оврага и тайной рельс на вид, словно б мокрых.

Топчи, топчи ножками чудо, тебе ж только девятнадцать лет,
И думаешь, чудес будет непочатый край.
Не ощущаешь, как я, словно приставленный к виску пистолет,
Время, не слышишь его сторожевых псов лай.

Твоей глупости и карты в руки, ничего, что старость твоя
Тебя попрекнет за это; млея от того
Как это удивительно, топчи в душе пение соловья:
Умолкнет один, запоет другой — волшебство

Жизни есть волшебство ее непрекращающихся нам даров,
Как твой возраст мыслит, пусть мысль такая глупей
Таракана, следствие миража чувств, а суть чужих умных слов,
Как мячик от стены дома от твоих ушей

Отскакивает. Нарисовав нашу старость: «Жалеешь ли, нет? —
Спрашиваю — или навек обкорнало мысль
Насущное, шепчущее: «За меня держись
И все будет в кайф», —
ну, что ж, из пределов, что вне него шлю привет,

Хотя, о чем я жалею, чудо то же ногами потоптал:
Из всех идеалов достигим лишь обидчивости идеал.

В бочку меда ясного дня, без тяги к дегтю
В ложке вечера, кузнечики добавляют стрекотание.
И я ловлю его ухом, словно скольжу на планере
Сельской благодати, еще не прижатый к ногтю

Однообразием ее тиши и зноя,
Еще с не растаявшим, не броским очертанием ангела
В рисунке облака, легко меняющим на контур Англии
Сходство с крылатым, еще на май планы строя

Не соскучившийся совсем по ширпотребу
Городских отношений, по заводским корпусам с подтеками
От ливней на стенах, когда вроде май, но близко, далеко ли
Он — не знаешь и сон вроде в руку, но где бы

Эту руку не начал искать, в нос такая
Часть тела тыкается, что о ней, соблюдая приличия,
Промолчу, хотя все равно: разве время не обезличило,
В какую-то неясную игру играя,

Все до бесформенной массы кофейной гущи.
Гадай по ней, красавица, предопределяя заранее
Судьбу того, кто хочет ее знать через твое гадание,
Влеку из тьмы скрытое, как тебе присуще.

Современность,
 поднимающая тебя на волне своей необычности, величия,
Всегда несла и несет всех, поскольку она наконецник
Стрелы времени. Это видит даже мастер дел заплочных,
Не смотря на консерватизм своей профессии,
 на которую глядя, взгляд набычила,

Не любя ее, демократия. Это, так сказать, свежесть продукта,
 пускай он тикая
Что-то там отмечает, он — продукт, и потому способен
Загнивать, портиться,
 становиться чучелом в умелых руках мастера и, в безликое
Нечто превращаясь, поддерживать то, чью суть обособим,

Отличив от его же скисшей сути, назвав вновь «современностью».
 В этом выражении
«Мы» просквозившее ветерочком уже к нашим потомкам
Относится, а не к нам.
Авось и в их время будет так же все крыть пыль,
 вонять цех кожевенный,
С той же решительностью брать за грудки, рубаху искомкав.

Тот я, о котором я ничего не знаю
Неужели только природный инстинкт,
То есть вся его наглядность
В этом глупом слове «инстинкт»,
От которого пахнет нафталином
И траченной молью одеждой,
И пустотой самого слова, которое
Вскрывает истинную суть,
Как тыканье пальцем в небо.
Неужели любовь, сильнее которой
Я не знал, только для того, что б переспать,
Наполнить жизнь страданием и разбежаться?
Зачем столько пороха на выстрел
На расстояние, которое преодолевает камень,
Брошенный пятилетним ребенком?
Почему жизнь позволяет тратить
Столько огня на ошибки?
Или огонь, потраченный на эти ошибки
И есть истинно она, а все остальное —
Ее промахи в нашем программировании?
Но если так, то эти самые «промахи»
Собственно и есть феномен человеческого разума.
Глядя в глаза друг друга, думая
О другом, как и он о тебе
В привычном трафарете доступных уму суждений,

А тем более поступая соответственно им,
Мы реализуем «промахи» в пределах
Социума, строим его ими,
Но они не наша вина, они — наше
Сознание и с высоты его Вавилонской башни
Всю мою любовь к тебе можно принять за глупость,
Пусть даже тот я, о котором я ничего не знаю,
Включая и незнание того: то ли он мне принадлежит, то ли я ему,
Все-таки что-то большее, чем одни инстинкты,
То есть не пасынок тайн вселенских.

Какой луг в мае! Все на нем струит запах, дышит, движется.
 Экий представитель сепаратизма по отношению к небытию,
 Как и все живое. Как мой песик. Вряд ли я обижу пса,
 Даже чужого, потому что люблю своего. Вид как в раю:

Порхая, словно вышивает какую-то вязь бабочка-капустница,
 Ассоциации из детства дополняют красу пруда
 Звонким кря-кря, какого нет; в самом деле:

сентиментальность — искусница

Все красить своими красками, и сейчас это без труда

Делает. Здесь я и друзья, когда мы были детишками,
 Учились плавать, строили планы, ловили бабочек, валялись в траве,
 Друг друга подначивали, обзаводились шишками
 И, да простят нас наставники наши, из одной лягушки творили две.

Взгляд, в те годы искрившийся внутренним светом,
отражает теперь один

Внешний и еще кое-что, пускай в виде аллегории,
 А именно — время в его отвратном беге.

Ведь оно совсем не тот клин,

Который, вышибив другим, танцуют рады виктории.

МОЙ ЦВЕТОЧЕК

Душа еще болит тобой, и эту боль не убрать врачу,
Порой кажется, что от тебя уже ничего не жду:
Твой сумасбродный характер гасит любовь, как ветер свечу,
Плодит недоверие, подобно безденежье нужду.

А вырос цветочек на лугу, где тихо буренки паслись,
Под наставления вокзального диспетчера: какой
Куда поезд идет — расцветал, под общие взгляды на жизнь
И смерть махрвел, наполнялся росистой, живой слезой.

Он был близок мне. Так трагично близки знаки «минус» и «плюс»
В общей судьбе земной, и поэтому, может, еще сильнеей
Любим, а опосля болью жег, и тем тяжелей крыльев груз
Был, чем вначале выше полет и непрерывный бег дней

Хмельнее, выпреннее полнил замыслами, волшебством чувств.
Цветочек, моих мыслей причал, этот мир лишь тобой не пуст.

Пасмурный, не определившийся в своей роли январь,
Вырастающие от работы дворников, а не избытка снега сугробы,
От вида коих приехавшие с юга гости скучнеют:

две немолодых особы

И мальчик, для которого покамест простой календарь

Главная книга: его возраст еще считает часы,
Не то, что дни. Дай бабочке чувство времени и прибор для этого,
она б считала

Секунды, как мы годы. Снеговичок топорщит усы
И другой такой же, но чуть побольше,
то же самое делает через два квартала.

Послезавтра гости уедут в свой солнечный Краснодар,
Где всем городом, от мала до велика,
выходят воевать с какой-то аллергенной
Травой, разраставшейся, если ее не рвать, как пожар,
И сами облака кажутся
сорвавшейся с гребней волн и долетевшей до них пеной.

Но прохлады Черного моря нет, зато она в Сочи
Присутствует.

Они хотели посмотреть в моем городе примечательные места,
Которые для меня малозначительны, вроде висевшего в зале холста,
Ощутить дух средней полосы, для отцов их дух отчий.

Несбывшиеся возможности, везде: в любви, в профессии;
Их много, они не сбылись, остались фантомные боли.
Довольствуясь доставшимся, жизнь смотрит всегда невесело,
Ее вызывающий смех вопрос: «Болесть будет доколе?» —

Как тень сопровождает ее. Сведенные до мизера
Тиранией насущного фантомные боли залазят
В сновидения, пинком под зад, вовсе не обезобразив
Тем сон, а лишь заменяя привычно одни коллизии

На другие, вышибая, если там был, Фредди Крюгера.
И ведь чем насущное уступчивей, тем они сильнее,
То есть зависят от него, как, например, ход флюгера
От ветра, бритость твоих щек от умения брадобрея,

Которого, даже если и нет в наших парикмахерских,
Просто вообрази, как и от его мастерства щек бритость.
И воображаешь его и весь этот прах мирских
Вещей, если сказать по-церковному. И пугают, как вид ос

Собственные фантазии, приобретая имя, отчество,
И понимаешь, что это бред, но понимать не хочется.

Ты боишься меня, и мое существование уже есть повод
 Бояться, хотя я смирней овечки,
 Или телка, что на холме у речки
 Щиплет траву безопасно, не ведая, что есть на свете овод,

И может укусить его. Жизнь полна поводами исконно,
 Причем они не так разнообразны,
 Как кажется, и здесь один лишь назван,
 И лепят они нас, как из пластилина, например, дракона,

Прочитав сказку о драконах на ночь, мой творческий сынишка;
 Я, вылепленный ими, понимаю
 Тебя. Мне в скважину замочную глядеть тихо, словно мышка,
 Твои пороки, что не дадут раю

Шуметь над тобой кущами своими, подглядывая жадно
 Желания нет: высмотрено мною
 Все, что хотелось в человеке, что выступает многорядно
 Скрытыми кладами в нем, как весною

Чернота земли, и на ней сверкающих луж индифферентность.
 От многих его кладов всеблагого
 Я убережь прошу меня, хоть из того же теста, что мой этнос,
 Но ведь у просьб не логика — основа.

Любовь, что жаждет длить свой пафос в перспективе
Времени, старостью завершая путь свой,
Настолько в рамках (даже червь свободней в сливе)
Оскомных правил социальных с их тоской,

Что можно механизмом считать человека,
Если, не зная, наблюдать со стороны,
Но тогда при чем верность, романтика, Мекка,
Раз механизм он, злость, спесь от большой мошны.

А ведь как обухом по голове, без всяких
Там перспектив влюбленность часто разит нас,
И чувства не гнетут, и не глотает мрак их,
Сильнее только пыл и ярче радость глаз.

Молодость; чувства возвышенны как державинская ода,
И чтобы постичь эту возвышенность, нет другого кода,
Кроме имеющего название: «Величие жизни».
Потому молодость и смущает, когда хочет в лиризме

Стихов себя выразить. И только потом червоточинной
Такой строй души разъедает, и рифмой отточенной
Его не спасешь. Выспренность чувств тогда заменяет ценность
Даденного судьбой: сентиментальность, как отзыв на бренность,

Текучесть всего, чем живешь, мысль. Ах, дорогая природа —
Яблочко с червоточинной, хоть любовь к тебе год от года
Слабей, но она явно то, что не может быть равно полю.
Она как ноль есть смерть, а стремлением к оной я не солю

Еще свой суп, как и никто, если к этому не подвела
Ты сама, взяв за руку, поражая матовостью чела.

Как мы украшаем елку, время украшает себя нами,
Празднуя что-то личное с трансцендентной сутью,
Что нам может пригрезиться, когда привычное к любой драме,
Пронизанное неприветной сентябрьской мутой,

Пустое место вместо нас будет служить залогом
Возможности не мозолить глаза вновь каким-то
Очередным хомо сапиенсом, пусть даже под Козерогом
Честь имевшим родиться и на пирата Флинта

Развалом бровей похожим. Отгороженные частоколом
Судьбы от Иного эстетикой, торим бреши
Туда, откуда люд, придя сюда, кричит: «Грешен»,
Но назад, в мир, где грех невозможен, уходит с сердцем тяжелым.

Жизнь всклень пресытилась богатством времени и судьбы,
Но познав их, поняла, что обманулась.
Ну, так что же, зато напрягалась, вырывала дубы,
Шла ввысь, старалась не обрести сутулость.

И порой казалась то дикой, то ведомой под уздцы
Кобылицей, то девой, глядевшей спросонок.
Земная юдоль, время и судьба — сямские близнецы,
Твои дети или же ты их ребенок?

И кто-то в ответ размыкает губы, языком листа
На сучке березы шевелит, пытаясь
Говорить, но, видно, что б злой речью не обидеть, до ста
Считает; точно с таким чувством кота из-

Под дивана тащил я в детстве, когда мне,
Хоть он пшикал, хотелось накормить его шоколадом.
А вместо богатств тех, о коих пою, учитель на дом
Приходил и я считал с ним тучи в окне.

Стоило ли эту жизнь проживать? Стоило.
Хотя бы потому, что этот вопрос обрел значительность
Под ее конец. Пусть во времени, как стойло
Для коня, отведенный вам судьбой век — что ж, побурчите в нос,

Но заметьте: исконно ведь бурчать тянуло,
Не смотря на то, что так называемое стойло вечностью
Виделось, когда дарила красавица своей сердечностью
И вес неприподъемного втроем баула

Не имела тяжесть прожитого, и ноумен
Души не тяготился феноменом тела,
Всклень пьющий сосед не злил тем, что был порой шумен,
А эпоха, что в бреду злых дел очумела.

Мы в мае покупали помидоры по пять рублей килограмм,
Ты со мной ходила на пляж с подругой и без подруги,
Притом вела себя так уверенно, что жабы в Буге
Квакали от удивления и показывая зады нам,

Ныряли в воду. Поверху мост тянул свои пролеты,
Я не знал: это жизнь или нет, но это была юность моя,
Время накатывало, под спудом многие тайны тая
И черт с ними: не я их, а они меня спрашивали: «Кто ты?»

Что потом, после службы в армии я мог сопоставить с этим
По пронзительности восприятия, солнечности чувств?
Весна заканчиваясь, все еще радовала разноцветьем,
Свет, лучась в уголках твоих губ, придавал им значительность уст.

Природа дала память не для обретения знаний,
А для сентиментальности, чтобы человек свой внутренний мир
Облагораживал ею, и тот бы напоминал не сортир,
А майский луг, где с девой так сладко гулять порой не ранней.

Где ты и что с тобой? Всегда отдав часть души кому-то,
Задаешь эти вопросы, презрев рациональность бытия,
Топчущего своим насущным сентиментальность, точно моя
Тупая готовность стареть прожитые час, минуту.

ПОСЛЕ ПРОСМОТРА Ф-А: «СОЛНЕЧНЫЙ УДАР»

Ваше благородие по причине рождения в семье благородий,
Ваши оценки и ценности жизнь сменила на наши,
Той же стоимости, то есть после игры одних невеселых мелодий
Стала играть другие: не потому, что они краше,

А потому, что она — движение, а не в тоске застывшее что-то,
Как бы хорошо иль плохо к этому не относилось
Мое человеческое, любящее, когда дух свеж, мыслей без счета
И время течет так, словно сущность его — божья милость.

Не одна правда. Сонм их. Все серы.
Только серость — тот абсолют,
Что одной лишь власть дарит, манеры
Короля, спесь, право на суд

Победителя над побежденным,
За ней всю правоту закрепив
Свежевыдуманным законом.
Точно грека под сень олив

Ее под свойственной ее краю
Древесностью манит прилечь,
В тени оной вобрать сладость мая,
Запах цвета, ручейка речь.

Славит медио ее и, в этом
Видя цель, не жалеет слов.
И вот серость становится светом,
И ей дарят свою любовь.

КОНЕЦ ЛЮБВИ

Пусть образ твой еще передо мной,
Но нет желания бежать к тебе. Как странно!
То, что стихией было, струйкою из крана
Едва течет, сроднив свой ток с тоской.

То, что из меня творило зомби
И сверх меры наделяло счастьем неземным,
Что мой тихий мир подобно бомбе
Разнесло, открыв, когда исчезли пыль и дым,

Свое величие, то, исподволь, не сразу
Недружеское что-то, что в тебе
Себя явило, как брешь в городье,
Его губить стало: так короед смерть вязу,

Что красит мир своей листвою, несет.
И это ведь притом, что ты меня любила,
Покорна естеству и страсти бурной сила
Тебя саму огнем своих щедрот

Смущала. И вот во всем этом разобраться,
Доказать то есть, что не дармовой
Хлеб ест, досталось времени и, выждав двадцать
Недель, оно исполнило долг свой.

СЛАДКОЕ И НЕОБХОДИМОЕ

Сладость не просто сладость: она еще и необходима,
Потому что человек без нее — не тот.
Необходимости самой себя хватит, как клубам дыма
Вечной вони и мглистости, чтоб в обиход

Войти, цепко жизнь собой выражающим, словом и делом.
То есть ровно на две половинки никак,
Что бы от их отдельности не рос бардак,
Бытие не раскладывается ни в ребячьем, ни в зрелом

Мышлении. Не так проста, как мнится, и необходимость:
Просто, ее не любя, я ей с гулькин нос
Дал и роль. Она ведь не в том, что слабо купить — укради мазь
Или плащ, или «мерс» говорит и всерьез

Жена мужу, а в том, что человека она укрепила
В его лидерстве на планете, и пускай
Возможность эта в него была не им вложена, а сила
Ее не могла не выплеснуть через край.

За то, что лишь мешают, а помогать должны
Сколько чинуш у нас получают зарплату,
Из чего исходя можно сказать, как сложны
Отношения в обществе. Про то, как мяту

Бросать в чай, ароматизируя его, пить
Получается; увы, сложнее про такое,
Что лопатой мысли с утра до ночи роя,
Докапываешься лишь до старости, тем впредь

Заказывая, повторять детишкам твой путь;
Надежда только на то, что нашей натуре
Это копание дадено, как ее суть,
И от него, раздумьем на эту, на ту ли

Точку зрения сподобленный, не убежишь.
Конечно, времена были с более страшным
Подходом к жизни, и днесь часть зла — их багаж нам,
Пришедший путями, какими не шлют кишмиш.

Ты был рабом там, где солнце щедрость свою без конца дарит,
 Но оттого добрей не становятся люди.
 Ты прислуживал, строил, унижался, никогда не был сыт,
 И все же носил съестное щенку-приблуде.

Тебя били по пьяни или когда чесались кулаки,
 Ветеринара звали лечить скотину —
 К тебе никого не звали, а заставляли таскать тюки,
 А лекарство было — слушать их матерщину.

Или это был я, игравший в детстве с той, что грустно мне вслед,
 Уже взрослой став, смотрела, а я вместе
 С другом рулил из родного края куда-то, где смех и бред
 Наших игр с ней никого: ни кур на нашесте,

Ни псов в будках не будили, не наполняли чувством вины
 При взгляде на ее окна — фантомной болью
 Возможности стать ее мужем. Потом шла жизнь, пеклись блины,
 Лил дождь, в шифоньере пальто портилось молью.

Иль не шла? И жил ли вообще я? Но точно сказать бы мог,
 Вобрав часть судьбы того, кто страдал особо:
 Когда из утробы матери выйдя, сделал я первый вздох,
 Тогда надо мной захлопнулась крышка гроба.

Отбиваясь от убийцы, учитывать надо
Мощь каждого удара, а то убьешь вдруг его.
Вся чушь над людьми дамокловым мечом и рада,
И это меньшее зло и мудрости торжество.

Справедливость меньшего зла — это так прекрасно
И в кавычках, и без оных, что не будет конца
Для трагикомедий. И даже у кого астма,
И те, забывая про нее, хулить стервеца

И радоваться за героя, и в театр пойдут,
И в нашей повседневности будут, ведь сюжеты
Никогда не закончатся, и всегда: «И ты Брут», —
Скажет кто-нибудь другу, залив кровью штиблеты.

ЦЕХОВОЕ

Собаки грызутся. Потом у них происходит случка,
Томясь тягой к творчеству, небо пишет их фигуры
Акварелью туч. В свои объятия мух ловит липучка,
«Необходимое» шлифует приемы дрессуры.

Серость тоскливого дня провоцирует серость дыма
Из разных его источников. Позади бытовки
В пять слоев пустые бутылки, и неудержимо
Шестой слой растет. На него с травы божьи коровки

Перебираются, его нежным изумрудным цветом
Обманутые, огромной металлической цаплей
Подъемный кран в лазурь неба устремился приветом
Земли, в коем не звучит мотивом: «Если ослаб, лей

Слезы», — но звучит скромным желанием в красе небесной
Хоть как-то себя выразить, и за то, может, простятся
Слои из бутылок, пускай семь или даже двадцать
Над травой их поднимется под грызню и визг своры местной

С шерстью цвета окрестного промышленного ландшафта.
Вот чем мила: лиризм и синдром мушиной липучки
Обретшая жизнь с ее свечением в день получки,
Тостами в честь победы, любви, первого космонавта...

Пока до человека что-нибудь дойдет, он такого наворотит...
И приходит новый, которому, чтоб до чего-то дошел,
Требуется время, и при том надо, чтобы он был не против
Учитывания обретенного опыта и помол

Знания не развеял по ветру, настроил заводов, коровников;
Бред, если его «потенциальное» проявляется в том,
О чем лучше всего знают в среде уголовников,
Его тягу побыть в одиночестве или порезвиться гуртом

Объясняют душевные и возрастные особенности, скуку —
Обособленность данной минуты, замкнутость его «сейчас»
В себе самом, не дающем входа постороннему оттенку, звуку,
Игре чувств, что порой заставляют бездумно бросаться в пляс.

Чернеют ветки, бронзовеет небо,
Сукровицей дождливости осенняя
Погода окна пачкает и тление
Света гнетет, как фарс обмана, где бы,
Нисколько не коря себя повтором,
Он не пытался жизнь пленить задором,
Старательно разыгрывая карту
Мечты людей жить, как живут герои
В кино, чьи дни, словно плешь стен обои
Красит удача, с явно по стандарту
Надменным видом. Тучи, как подмышки
Кин-Конга, паре динозавров шеи
Свернувшим в схватке и, сном в вермишели
Лиан, уснувшим с радостью мальчишки.
Явлением спасательного круга,
Что брошен тонущему в бряклости осенней,
Очаг нам видится, янтарный блеск коленей
Жены, смех малыша и фруктом с юга
Беспечно завершающийся ужин.
Как завибрировал вдруг воздух миротворно
В мечтательности, словно в звуках горна
Из детства зовом в цирк бежать по лужам.

* * *

А чудо то сформировалось, оно уже было готово,
Надо было только ценить его,
Осознавать, что оно может исчезнуть без жеста, без слова,
Не попав ни в ловушку видео,

Ни в сети рифм, ни в ритмы музыки, ее дурманящих звуков.
Оно уже слало вибрацию
Своей жизни в мир,
 где козы паслись, где свиньи, весь день прохрюкав,
И ночь повергали в прострацию,

Во сне делая то же, но молодость ничего не ценила,
На прочность себя и мир пробуя.
Что там чудо с его необычностью, как бы ни было мило
И все его, сколько б ни пробыли

Гостями реальности прелести, треволнения, тайны.
Так текла ни в чем окончательно
Не выражая свой запал полностью юность. Аромат чайный
Плыл и щелкали выключатели.

У ПЕЧКИ

Треск дров в огне, как вопли жертв, попавших в лапы
Хищников, рыскающих в чаше первобытной,
В которой воздух был так чист, что эскулапы
О нем днесь судят с хрипотцою самобытной

Как о лекарстве. Злит осенняя промозглость
Тем, что на треск дров реагировать не хочет
Бегством из недр избы. День тягостен, как возглас:
«О, как же жить теперь?» — своей мрачностью, впрочем,

Не внося нового чего-нибудь в мир наших
Понятий, взглядов, но тем все-таки для трепа
Давая пищу. И вот звездочек мерцавших
Приходит час и ароматного укропа

В борще на ужин. В чаше страшной, первобытной
Все так же хищники терзают свои жертвы,
Теодицея ждет на свет родиться. Сытний
Борщ дает силы для фантазий и прожектов.

Что ж ты не чирикаешь, моя птичка,
Не отягощаешь ветку своим весом?
Куда исчезла — пытаю с интересом —
Как встарь мозолить мои глаза привычка,

Тревожить воздух веселым полетом,
Выискивать бусинками глаз съестное?
Так, боясь услышать страшное: «Что там?» —
Спрашивают смотревшего, томясь душою,

Как я шлю в пустоту эти вопросы.
Неужто отпела под моим окошком,
И в него залетать лишь мухи да осы
Впредь будут, а трель твоя звонким горошком

Не просыплется и радостью в сердце
Не отзовется, в сердце жаждущем песни?
Без тебя с гримасою страстотерпца
Течь времени, а мне петь: «Душа, воскресни».

Читая о судьбе принца Фердинанда, Гаврилы Принципа,
Живя нынешним, не думающим что будет завтра: жизнь-смерть ли,
Грезим, что если б имели мудрость, какой сияет Ай-Петри
Иль Казбек, может ею одной смогли удовлетвориться бы.

Но наша история — история вторичности разума.
Вроде капель — есть такая пытка — без конца долбящих темя
Факты этого явления бьют нас, взяв, в свидетели время,
А мы их словно не видим, точно, видеть нам их, заказано.

* * *

Мысли в дождь: не веря в человечность своей природы,
Люди одного государства собираются воевать
С людьми другого. Уже стала чем-то вроде моды
Воинственность. Звучало: не отдадим ни одну пядь

Земли врагу. Всех, до последнего аборигена,
Искореним их, враждебных нам, и города их сожжем.
И в самом деле, наверное, Земля не та сцена,
Где миролюбию быть примадонной, балдеть под дождем,

Не струившем с небес, а оваций. Тупик. Глубоко
В нас сидящий страх в чьи-либо руки доверять свою жизнь
Не абсурд, а ответ на реальность, с какого бока
На нее не гляди и в каком гопаке с ней не кружись.

Моря пролитой крови, а не желание не петь оды
Вранью, которое так хочется видеть правдой нам,
Иначе бытие отвергается как ужас, срам,
Написали: «Не веря в человечность своей природы»...

Не взросло твердить с назидательностью: «Надо иначе,
По человечески», — изумляя народ красным словцом.
Но если не их жизнь на кону, говорят и плача
Опосля, каюсь в том насоветованном, что резцом

Смерти вписалось в скрижаль времен, свой плоский взгляд на вещи
Все же не меняют, пока в круговерти судеб до них
Не доходит черед. Тогда времени черты резче
Обозначаются в их душе и болью мыслей других

Звучат речи. Посему назидательность оставим,
Послушаем дождь, с той же целью посмотрим на небеса,
Что и предки, с интересом на брызжущие от ставен,
От стен дождинки, на притихшего в своей будке пса.

В одно и то же чувство любви к тебе, милая,
Как в одну и ту же реку не вступить два раза.
Можно только в поэзии, судьбу резюмируя,
Понимать, что вот эта или другая фраза

Передать его тщится, а как получается
Время, может, покажет, попытается если,
А может, не покажет, а воткнет над ним крест ли,
Камень ли и, как мой дед, говоря, что в чае вся

Мол, сласть для него в жизни и оно врет разное,
Что на ум взбредет только, с языка чтоб сорваться.
Так что дважды не вступить, дева, без профанаций
В одно и то же чувство, ликуя и празднуя.

И ты ошибалась, и мы с тобой получили
То, что из твоей ошибки сплелось и выросло.
И жизнь прошла, и покрыла зелень травы роса,
И грусть оттого расцвела, как на носу чирей.

Любимая, ты сделала себя чужой мне.
Любовь не компенсирует это чувство чуждости.
Все еще ценны, но уже с оттенком ненужности
И скамейка, где хвалимый тобой крыжовник

Ты рассыпала, и наше, в шумливой компании,
Переглядыванье, полное нежной страсти,
И все места, что сроднились с нами — отчасти
Потому, что мы гуляли там, уже заранее

Цедя воздух счастья. Но как грустно теперь в беседке,
Где с тобой сидели, хоть мой на пол брошенный
И сегодня не выметенный окурок, последки
Того счастья еще хранит и хорошими

Ласковыми тонами оно отдается в сердце.
Ах, как же глупо ты себя повела, любимая,
Сыграв на отчуждение и не стереться
Тому, что случилось уже: стало реальностью мнимое.

А и пел соловушка в саду вечером.
Друга моего семилетнего машина задавила.
Судьбы трагичные, разве кто перечил вам?
А если кто перечил, отколь у него такая сила?

У меня, у шестилетнего, фуражка друга осталась,
Друга, на чьи похороны меня даже
Не взяли. Время текло, утрачивая глупую вялость,
И клен был рад гнезду, как малой поклаже

Турист, шагая новым, трудным маршрутом.
Грустно коротать вечера, не целуя прелести милой,
Иль на себя глядя в старике согнутом
Видеть того прежнего, блещущего красотой и силой.

Осень, наращивая темпы, страшает: «Ты не на юге,
Так что, как Суворов к броску через Альпы,
Готовься к зиме: она любит не хуже индейцев скальпы
Снимать с бледнолицых. То-то башка болит, как с похмелюги,

Хотя ничего ее делающего вчера не случилось.
Так избывая козыри все по ходу
Жизни и живешь: любишь любую влекущую взгляд малость,
Терпишь гадости, честно плюешь на моду.

Наступает лето, червяк грушу точит,
Турфирмы становятся банкротами и, странно: все разом,
Полстраны в накладе, весел лишь кочет,
Ему все странности пофик, пока в суп, что нами заказан,

Не попадает, бедный. С балкона город как на ладони.
Странности нам дают узреть промельк бездны,
В связи с чем раздумья очень полезны,
Как бурный дождик земле, исходящей от засухи в стене.

Когда мыслимое вчера так, нынче этак
Уже понимаешь, и всех лет колдовство
В память о себе только пару заметок
Оставляет, веришь: раз жив после того,

Как с тобой поиграли в игру такую,
Можно переходить к претенциозному «мы»
От скромного «я», догадаться, что есть умы
И материал, дабы не вхолостую

Они работали, и звезда, что светила
Нам на небе, то — пылая, то — коптя хило,
Есть та звезда, что внутри нас светила всегда
И в забвении отдыха, и в час труда.

НА КАКОЕ-ТО ВРЕМЯ...

Музыкой страшной, во множестве и кроме мной замеченных
Случаев, целя ударом прямо в самое темя,
Бьет трагически фраза: «На какое-то время»...
Весь мир — ее воплощения и моя речь о них.

На какое-то время для милых мы служим радостью,
Чтоб дать место радости новой, такой же бесценной,
Какой до нее были мы, но в итоге сменой
Вектора чувств устраненной, и хоть до упаду всю

Жизнь потом пытайся направить вектор тот в свою сторону,
Даже напавь — все равно не будет того родного
Света в глазах, что был, а только привкус касторовый
Во рту и готовое сорваться с уст злое слово.

На какое-то время простор растворяется в лунности,
В стрекотании кузнечиков, в легком хмеле мая,
На какое-то время судьба дает счастье юности,
Чтобы вспомнить его, упав у последнего края.

Аляповатость судьбы нервирует невозможностью чистового
Ее написания. Увы, мракобесие случая, времени
Не пленяет и не веселит, не бодрит, словно сон на заре меня,
И лежит черново написанное, и не выправить в нем ни слова.

И ладно, Бог с ним, с итогом: тошнит своим томительным, неказистым
Течением настоящее, и кажется, меж чьими-то пальцами
Не песочное время, а ты струишься, в танце ль с трясущей монистом
Красавицей кружишься или, как частенько подходим с развальцей мы

К нужному делу, не торопясь включаешься в работу, не смущаясь
Задержкой, которая может грозить последствиями тяжелыми
И, когда они все же происходят, тебя не радует ни хвоща вязь,
Ни стихи, и начинается ныряние из огня да в полымя.

Мужчина женщине, раз мы созданы по таким лекалам,
должен говорить: «Любимая».
И она его порой должна называть любимым.
Иначе жизнь пуста, сраженный пустотой,
садясь за стол, вряд ли я руки вымою,
Иль удивлюсь скотству, даже удивлением мнимым,

Какого-нибудь троглодита, иль помогу старушке, а под тучами серыми
Стану ждать дождика, счастлив быть тет-а-тет с природой.
Мы так сделаны, но этого не понять, наблюдая,
как сын пьет чай с эклерами,
А отец его ругает, что он дурак и лодырь.

Боюсь, и таракан, бегавший ночью по кухне,
побрезгует нашей компанией,
Если мы от своей конституции по причине
Какой бы ни было отступим, не потому что заболел нелепой манией
Величия, а цена чин жизни даже в кручине.

* * *

Новый корвет, своего времени последнее слово,
Мотался по океанам, как звук по пустому залу,
А над ним небо, то в закате светясь томно, багрово,
То в рассвете лимонно, манило наш дух к идеалу,
Поскольку отдаленней было от нас, чем все земное,
Но не оно, а тот корвет изумлял народ собою:
Меж каменным топором и пушкой, глядевшей жестоко,
Много изобретений потрясавших душу и око
Вошло в жизнь и молодо, гордо, радостно в честь любого
Бились сердца. Корвет все носился по морям, ветшая,
Появились паровые суда и валяжно, бедово,
Раскованнее, чем гениального поэта слово,
Поплыли по водам, своим шумом от края до края
Пугая Нептуна, а затем дизельные, а после
Могучие атомные. Вместе с устаревшим корветом
Так же и время его с нафталиновым приоритетом
Парусов обесценивалось, но вновь через фарс, форс ли
В новых творениях обновлялось, обретало цену
Соответственно их новизне, то есть на настоящем
Бытие замыкало, на миге, который мгновенно
Мелькнув, и наши судьбы в музейный ряд, где стоят: ящер,
Саблезубый тигр и прочие с ними сходные твари
Хочет втиснуть: пусть плятятся на радость всем любопытным,
Что придут древность смотреть, обедом насытившись сытным.
И не смыться из того ряда, из его мглы и яри.

Влюбился, но она испытывает тебя на прочность,
 Смотрит, как ты извиваешься в сетях пойманной ставридой,
 На мольбу о свидании с ней спрашивает: «Что за срочность?» —
 И любовь в тебе убивается болью, злобой, обидой.

Ты потом еще, бедный, мучаешься год, второй, третий,
 Чувства выветриваются как запах духов во флаконе,
 Насущное, их глуша, служит им чем-то вроде нетей,
 Но не настолько тотально, и ты в нем не как скот в загоне.

Ничего что плутаешь, точно в стране чудес Алиса,
 В штилевой нереальности дней, без цели, ориентира —
 Еще образуешь с жизнью, как шарнир детали шарнира,
 Одно целое — дай срок. Вновь пленят полотна Матисса,

Стихотворения Блока, не те, что читал ей когда-то,
 Чудесная Улицкая с ее описанием секса
 С точки зрения женщины, тошнотворная сладость кекса
 И будущее, хотя бы тем, что новой страстью чревато.

Из тех глубин, где юность, но нет спрутов,
Как их жильцов, медуз, акул и злоба дня
Отсутствует, где связи все запутав
В реальности навек, жизнь, этим нас пьяня,

Приводит в идеале их в порядок,
Показывает нам, и мы их свято чтим,
Считая их за все, что есть, и сладок
Мир своей внятностью как вино, интим,

Береза, солнце, шутки, твердость милой
Перед шальным напором милого; так вот
Из тех глубин порой выуживать везет
Что-то дарившее нас свежей силой

Задора, веры, смысла, но все кроет боль
От времени суровой хирургии,
Калеча образы тем дорогие.
И мысль одна: какая во всем этом соль?

Сев за стол и от волнения им, словно ступой
 Баба-яга, скрипя, пишу: «С тобой как в раю
 Мне было, так что себя не считай смешной, глупой,
 Не разглядевшей ложь в ответ на любовь свою.

Я в тебя по уши, трагикомично, безумно
 Влюбился, словом, как до этого никогда.
 Так даже в дух соломы не влюбляются гумна
 В жизнь, внезапно на ней зародившейся, звезда.

Ложь ведь была не в нас, а в обстоятельствах жестких.
 Мысль все путает, что не дано знать было нам.
 Ты хотела замуж, свадебного платья в блестках,
 А я был женат, верен долгу и своим снам.

А любовь — прекрасно, она пробуждает душу,
 Удивляюсь чудакам, что сигают с моста,
 Если она гибнет, или обман как червь грушу
 Испоганил ее: с нового можно листа

Ведь начать, пока кровь бурлит, пока терпит время,
 Пока голос за кадром не сказал: «Все, конец», —
 И, всегда верная, как пьяница одной теме,
 Вечность не кликнет в гости отведать ее щец».

Больше виноват был мой внутренний мир,
Чем ты, что в тебя я так сильно тогда
Влюбился. Готовность пылать, как кефир
Пить, присуща была, и любви звезда

Без задержки взошла, зная, что нельзя,
Когда это суть жизни, медлить никак,
И задачу свою, как мечом разя
Страстью, выполнила, спалив мой пиджак.

Друг от друга невмочь отвести глаза
Были мы, неземной нас огонь сжигал.
О том вспомнив, смотрю, как бежит слеза,
Увлажняя собою лица овал.

Но тревожно вглядевшись в то, что тогда
Зрел в тебе, кроме ласк, понимаю днесь:
Расписавшись с тобой, я б страдал года,
И от распрей и сор измучился весь.

На холодном ветру, как волосы на голове, мысли сбиваются в колтун,
Дубеют пальцы, приобретая гибкость ржавого механизма,
И только сердце пытается доказать, что оно вечный плясун,
По крайней мере, пока этот ветер за смерть не признан.

Память о прошлом как реверсивный след от самолета —
вот от него следа
Не осталось. Пародируя зиму в ее рисунках на стеклах,
Время в морщинах хочет достичь той же дивной красоты, но стыда
От плагиата не ведая, добивается на лицах блеклых

Только обратного; раскинув руки на его пронзительном, смертном ветру
И чувствуя его как последнюю инстанцию судьбы трудной,
Констатируешь, что понижается столбик градусника к утру
И, не смотря ни на что, ты таишь к этому интерес подспудный.

Вечер, крадучись на цыпочках легкого ветерка,
В отличие от дня, подобно грохотом танка,
Потрясавшего пусть не окрестный мир, но наверняка
Мое сознание, текущее как морзянка

В криводушии времени, добивается все-таки
Чего хотел, подкрадываясь тихо, коварно.
То есть туманной дали, прохлады, текущей от реки,
Тоскливости, воспринимаемой, как казарма

Солдатом, меня наедине со своей душой,
Шустрого комарика, вылетевшего на охоту,
Тиши, как музыкального инструмента одну ноту
Комариную лишь и знающего, мглы сквозной.

Вот глядим с фотографии, лбы набычили.
Сотни лет с тех пор в никуда отчалили,
Молочные зубы сменили обычные,
А их, хоть мы того вовсе и не чаяли,

Вставные. Что ж, процессы элементарные.
Пялимся с фотографии серенькой — узкоплечие,
С таким видом как будто вот-вот гитарами
Забренчим, растворив их звук в тихом вечере.

Эпоха на снимке слегка закимарила
И наше сегодня — ее сновидение;
Очнувшись, она его примет за марево
Пустое, но пугавшее тем не менее.

Она очнется: ничему — неизбежного
Ведь нельзя избежать. Явствен дух казарменный
На фотографии, дух клопов и армии,
И дня январского, блеклого, снежного.

Мы — это ты, десятиклассник, света и страсти игра,
Мы — это он, девятилетний, тупеющий в одиночестве,
Это — старик, последние дни которого как кожура,
От коей очищают фрукт, чтоб оказать почести

Его сердцевине, сущности, то есть вечности в голом виде,
В натурализме ее электронов, фотонов и кварков,
Непостижимых ни в том, как мрачный дистрофик прошаркав
В тапочках по коридору, на немощь свою в обиде,

Куда-то дошаркивает, казня своей хворью здоровых близких,
Ни в смене как будто застывших, но все же менявшихся суток
В ожидании нервном приезда из далей альпийских
Любимой. Как воздух в этой застывшестьи чуток.

Мы — это тот Крепкий, которого держало чувство последнее
На плаву жизни в тюрьме, но от такого плавередства
Отрекшийся. Мы — это выбивший зубы передние
Упрекавшему за то Крепкого, презрев его бедство.

По В. Шаламову, последнее чувство — ненависть.

Печально, что то, что урезонирует чехарду гордыней и амбиций,
Негуманно и мало соответствует идеалу;
Менее чем мой тон ворчливый соответствует песне, пропетой синицей,
Или начало потрясавшей любви ее финалу.

Что говорить, если даже на волне влюбленности обедняем друг друга,
Отказываясь от своих чувств перед боязнью сплетен
Или рефлексируя, или в плену своих комплексов, а времечко туго
Затягивает вокруг шеи петлю, и вот по клетям

Своих одиночеств незаметно плешивеем, сходим с ума, выцветаем.
Только и радость, что скрашиваем этот процесс чаем.

К ЖИЗНИ

Наполненная тревухой сиюминутного,
Застывшая в штиле непостижимого,
Пустынная на безмерных пространствах, но
На кончике иглы фонтанирующая
Самым диким разнообразием.
В калейдоскопе сознания нашего,
Может, больше оттенков размещающая,
Чем помимо его, если есть оно
Вообще, это «помимо» родимое.
Потому что не вопрос принца Гамлета,
Старый тот: «Быть иль не быть?» — донимает нас,
А мы есть или нет? — вот какой шилом в задницу
Бескомпромиссно и жестко вонзается.
Ты, причесывающая нас временем,
Свое Я часто словно прячущая
Или таким образом только дразнившая,
По крайней мере, меня тем смущающая,
В себе самой себя средоточие,
Своей песни и мать, и доченька,
Ушко игольное, сквозь которое
Миры проходят, чтобы исчезнуть вновь,
Поцелуй меня, я твоя былинка,
Рожденная на кресте тик-так твоего
Не могу сфокусировать все образы
Дорогих мне людей в одной охватываемой

Взором внутренним картине, чтоб слиться
С ними всеми и жить как жил радостно,
Пока свет их живой наполнял меня,
Свет их — шедших со мной по колдобинам
Срока мной на земле прожитого
И тех, ждущих, из срока оставшегося
На земле мне и хранивших свой свет для того,
Что бы скрасить мои дни последние.
Прекрасная, так себе, отвратная,
Крещенная пространством, мгновением
Опыленная, тем, чем брызжет барбосина
У столба, подняв ногу, помеченная.

Мы одни в комнате, ты злыми, посторонними глазами
Глядишь. Зачем же так вела себя зазывно?
Солнечных зайчиков, как народа на воскресном базаре
На белых стенах, и хотя их бег игрив, но

И привычен, как мне мои семнадцать лет на земле этой.
Как призывали жадно — помню — твои взгляды,
Но не припомню, как мы шли к тебе, где мне родной Джульеттой
Не стала ты, и больно жжет огонь досады,

И от забывчивости непростой, как будто инфильтранты
Ее подстроили, и так же от надежды
Несбывшейся любить тебя, но не как Данте,
Не созерцавший Беатриче без одежды.

Как были губы твои сладки, руки мои шаловливы,
Но отстранившись, ты, сразив меня, сказала:
«Животное», — не акцентируя, немного даже вяло,
И горестно обидевшись, ушел петь нивы

И больше не пришел я. Что же, дева, горемыке-человеку
Ты оставляешь: ханжество, чванливость, зависть,
Если слепо считаешь влюбленности завязь
Животным чувством. Тогда лучше с моста в реку...

Смешная и странная жизнь, наполняй и томи до гроба
Хмелем страсти, ведь без него, определенно,
Мы будем такими, если сказать, не мучаясь особо,
В обществе коих стошнит и хамелеона.

Если плевать, выражая этим пренебрежение,
а не физиологическую потребность,
То плевать абсолютно некуда:
все касается твоей жизни: и травы желтеющей ущербность,
Непривлекательность, и самолет,
грохотавший высоко в небе, как представитель авиации,
Которой нельзя лишиться, если по дикой глупости лишимся,
то вопроса: дерзать, сдаваться ли

Не будет, исчезнет просто. Вот поликлиника:
тоже не плюнешь, и так медицина неважная,
А люди трагично болезненны:
своей нелегкой эпохи и державы промышленной граждане.
И земля, наше прошлое и будущее,
начало и конец всего, нефтью из недр своих брызжет,
Готова заменять боль вечным покоем, растить зерно,
леса с обилием опят и маслят рыжих.

Всё — неотъемлемые части человеческого бытия,
его плоть, всё между собой сцеплено,
Словно клетки организма — нельзя пренебречь какими-то из них,
так что мира главный рецепт — длина
Лучей света души:
их способность пронзать плотность материального и духовного мрака,
Чем длиннее они, ярче, пронзительней,
тем жизнь наша крепче, веселее, и смерти слабей атака.

Нанизанная на вертел основного инстинкта,
Жизнь все чаще представляется подобием спринта.
Может, только своей нанизанности благодаря.
Ее красит, точно серый цвет будней календаря,

Красный цвет самых различных праздников, ностальгия,
Осуществляя порой свои наплывы благие,
Верная сентиментальность, идеализация,
То есть бессрочно нахальная провокация

Сугубо человеческого в мире, не очень
Его приемлющем, как изрядно стянутый скотчем
В сломанном месте, свою жестокою инвалидность
Игрушечный волк. Таких суровых дел очевидность

Мы любить не намерены, отторгая упрямо,
Стремясь подвести под статью то абсурда, то срама,
Не прозревши предел, как всегда собирая покорно
Оставшиеся без спроса и плевелы, и зерна.

Не возводите человека ни в какие
Ипостаси. Не сказал еще последнее слово
Его эгоизм. Что вырастит: сорняки ли?
Культурные растения? — жизнь все принять готова.

Слаба, невзрачна, мгновение на подхвате
У вечности, а какие из ее недр фантомы
Рождаются, и все знают, не спросят себя: «Кто мы?»
Вот и думай, что получится в результате.

Живет что-то, выражающее нашу суть,
А мы приходим, уходим: мы — люди.
Проживаем свой век, который уже не вернуть —
Единственный — кто в аскетизме, кто в блуде,

А кто просто так, поскольку природой дано,
И пока осмысливается как-то
Видимое, кончается время, ведь оно
Не имеет ни жалости, ни такта.

Не ругай сильно ограниченность этого мгновения,
Одиозность его тупоумия:
В другом будет иная ограниченность, и не менее,
Чем в предыдущем (с которым в сумме я

Стал все же тем, кем стал), одиозности, но по критериям
Своим отличной от той, что полнила
Мгновение минувшее, сверкнувшее, словно молния.
Прожив любое, мы его меряем

Не его мерой уже. Нет его, к чему поисковыми
Мероприятиями бег времени
Утяжелять, ведь ежели это в частностях рискованно
(Чать, не одного в своей игре меня

Жизнь трамбует), то и в общем. И значит, что читать аистам
Стихи — делать из опыта выводы.
Веселее созерцать мир травы, воды
В дождь из беседки резной, жуя бутерброд с икрой паюсной.

В борьбе с добром как зло коварно
И, кажется, когда прижатый
К ногтю им, битый им и мятый
Страдаешь — оно твоя карма.

Но вышел вдруг на след бандитов,
И вот уже с одним дерется
Рисковый опер: в бликах солнца
Злодей огромных габаритов,

Но уступает небольшому
И с добрым лицом педагога
Работнику МВД. Строго,
Какое б не устроил шоу,

В невинность детскую играя,
Закон накажет гада. Орден
Получит опер, но жизнь злая
Так повернется, что сын фортель

Нежданный выкинет, и снова
Рожки и ножки лишь от счастья
Останутся, к тому ж по части
Измен явит себя бедово

Жена и, не стерпев, сорвется:
Сам совершит зло полицейский,
И народ вздыбит вал эмоций:
Закон, как ружье вскинув: «Целься

В злодея», — закричит жестоко.
На смену бедолаге опер
Другой придет, виршей и опер
Знаток и отрицатель рока,

На смену бандюгана тоже
Придет замена. Время куце
Дальше помчит, что б вновь схлестнуться
Всему в нем, пену жизни множа.

Июнь, травка зеленая, время летучее,
На накате бомбоубежища воздухосборники,
Шапку облака на плешь себе нахлобучило
Солнце и день, а речь о рабочем вторнике,

Чечевичный, с беззаботностью позднего социализма,
Плоть от плоти этой травки, цветов, совковости
И, конечно, но на заднем плане, с толикой кретинизма,
Делающим жизнь анекдотичной и новости

Чтивший посему хлесткие, обывательские.
Кое-где в траве шебуршат различные насекомые.
Томлюсь этим пейзажем: прочно, глубоко моя
Судьба в него вписалась, как в ту пору наплевательски и

Тоскливо не воспринимал его. Живешь тем, что дается,
А далось время с подобными пейзажами, с градирнями
За их границей, копотью из заводских труб, с их «стильными»
Формами, артистизмом Райкина и баритоном Отса.

Между насильником без тяги к убийству
И руководителем, заставляющим секретаршу задираТЬ юбку,
Разница в том, что во втором случае принуждает к этому поступку
Нужда, а в первом сила, и ни витийству,

Ни воодушевлению на таком материале свои таланты
Не раскрыть. Зачем они мракобесию
Жизни? Зачем смотреть на это месиво
Низменных сил, рыться в нем, особенно если его красят бриллианты,

Уводя от сути своим бесподобным
Сверканием? Это разговор без цели, просто для проникновения
В мрак, где бытие на клеточном, микробном
Уровне хитро сплетено, вряд ли ценно морально, и тем не менее...

Бедный прав своей бедностью пока он бедный,
 Непомерно страшна его загнанность в угол,
 А жизнь весело трубит в свой рожок победный,
 В ком она себя выражает: в лице пугал

Иль милых комильфо — ей безразлично, комом
 В горле не встает. Возможно, ради идеи,
 Самой по себе как таковой, искрясь, тлея,
 Фонтанируя, в потоке судеб знакомом

Она реализуется. Но преступленья
 Провоцирует, как и у загнанных в угол,
 Так и у респектабельных, с цветущим лугом
 Возможностей перед ними, ни страшной тени

Отца Гамлета, ни статуи командора,
 Каменной рукой сразившей Дон Жуана,
 Не боявшихся, одинаково туманна
 В своих целях, на какие б смены декора

Не решалась. Просто как-то более жестки
 У загнанных в угол минусы, восхищенье
 Не примешивается к ним. Лишь отвращенье
 Родится, когда на жизненные подмости

Выносятся их муть, но совсем по-другому
Выглядят минусы у не загнанных, словно
И не минусы они, а плюсы. Весома
Их видимость и дорога более ровно

Бежит перед их обладателями в дали
Зримые идеалом по меркам морали,
Проповедуемой учением церковным,
Почитаемым мной, по зодиаку овном.

Все хочет стать нашей судьбой, каждая мелочевка,
А время и стало ей, только носит другое имя.
Пугает маскарад бытия: черт пробегает в гриме
Святого, хлыщ бесчестный играет честного ловко,

Но пропущенный через легкие дым сигареты
Не считает нужным прятаться за ложные личины,
Дает удовольствие и за то, как бы ни ловчили,
Укорачивает век, в чем так же явны приметы

Судьбоносности. Мы некая непонятность, что платит
Изменением себя за все, что ее заденет,
А задевающие ее вещи вроде денег,
Самолетов, автомобилей, домов, снарядов, платьев

Часто изобретает сама и в этой странной сцепке
Тайного с явным, черта лысого с абракадаброй
Не знает, что еще вызреет кроме степной сурепки,
Однополой любви, мышечной массы дряблой.

МИР

И желая глянуть за грань сего мира в какой-либо другой,
Мы знаем: и это желание, и все остальное
Только он дает нам, только им предназначенной для нас тропой
Мы идем, разбирая, где его доброе, где злое.

Иногда знание становится тупиком, но это пока
Другое знание не превращает тупик в дорогу,
По которой дальше, меняя черты юноши на старика,
Идти, придавая четкость каждому шагу и слогу,

С верой в бесконечность, пускай даже ее как таковой и нет,
Но на пути нашем, им определенным, что-то значит
Она, раз о ней, как о возможности думая, ощущаешь свет
В душе, даже если влачишь дни в условиях собачьих.

И ясная тоска меня не отпускает
От молодых еще воронежских холмов
К всечеловеческим яснеющим в Тоскане.
О. Мандельштам.

Сквозит неравенство холмов у Мандельштама в строках.
Так субъективна жизнь; и милая культура
В общем строю, как в дождевых подтеках
С деревьями дома, как с будкой в поле, хмуро
Сведшая брови, даль. Тягучим общим разность
Не хочет быть и явно даже схожее стремится
К различию, но общий вкус всему дает корица
Времени, всему, что за душу хоть раз нас
Когда-то брало, — и сливает все в единстве
Воспоминания или простой борьбы за право
Иметь возможность субъективно, но порой все ж здраво
Смотреть на мир и в благодати его, и в свинстве.

Сквозь цветение акаций, яблонь и вишен
Всегда сквозишь ты, потустороннее,
И описывая тебя, мой слог возвышен,
Как юнца пафос, вот в чем ирония

Той игры в подкидного, что жизнью зовется,
А отчего возвышен и сам не знаю я,
Но без твоих глубин пить вино во здравие
Реальности значит свечой эмоций

Освещать свой путь, а не сияньем солнечным
Выспренных чувств, пускай даже в осенний
Период, с его небом низким и облачным,
Промозглостью утр и тоской обобщений.

Мы женились с тобой в другой жизни,
Только не верим, что она была когда-то
В нервах, в шутках, в печали, в лиризме
И в том, что всегда вроде ночей предиката —
В страсти. Время яростно чешет мой затылок
Моей рукой, недоумевая
Мной, что не пеной шампанского из бутылок
Хлещет, а каплет с крыши сарая
Сосулькой. Но нет, еще не вычла
Из него себя наша сказка: не меняясь
Все идет, как тысячу лет шло: ждем шута из
Цирка, а входит Эрос привычно.

Безусловно, культура создает ауру,
В которой меньше ощущается одиночество,
Не важно — это сериал про Изауру,
Спектакль про юнца, что подпал под чары пророчества,

Сказка, схватывающая черты непонятного,
Но вовсе не углубляющая знания
О нем, а делающая лишь туманнее
Его суть, пока не нальешь в стакан не абстрактного

Чего-нибудь, что тоже создает свою ауру,
В ней собутельник может принять вид мамонта;
Пусть: с ним предадимся по его времени трауру,
Хоть для нас оно, что китайская грамота.

На оселке времени отточены мысли
До понимания, что они шестеренки механизма,
Который крутит их только внутри самого себя.
Если ставить диагноз, то это хворь вроде аутизма.
Но жизнь идет: варят новые щи, коль скисли
Старые, ждут любви, хотя жить не умеют, любя,
То есть все не так, как видится в идеале,
А как есть, даже если это сравнимо с одеванием
Брюк через голову, что порой делает малышня,
Но драмы у нее связаны не с этим, а с питанием.
Зато драматично мать сыну: «Он тебе не шня», —
О его друге втолковывает в меркантильном запале.

Молодость всегда богата началом, планами, иллюзиями,
Энергией, познанием, любопытством.
Ей надо, что бы ночуя в степи замерзшими зюзьями
Не выглядели ее чада и быт свой
Жизнь ткала на станке задора, а не грусти, тонизировали
Физиологию не чудо напитки,
А краса лесов, полей и дни в прибытке
Опыта. Богата не устающими, словно резиновыми
Мускулами, ощущением новизны во всем, фантазиями,
Нерастроченным будущим, дребеденью
Слухов, амбивалентной закваской чувств, рассчитанной не на зиму,
А на май, на его игры света с тенью.

Из правды и неправды, какой ковер соткан, —
Из страха и храбрости, самолюбия и авантюризма.
Даже обидно, что привязан к дачным соткам,
К определенному времени приема пищи и, в лиризме
Объятий с женой, к засыпанию на разноцветной кровати,
Но приоритеты нестабильны до жути:
Ведь ты скреплен с миром, как и все твои друзья, сестры и братья
Пуповиной обстоятельств, и дни в их смуте
Тем и славны: выходит — не адекватна бытию обида,
Многое отвергаешь, как воду в стакане,
Когда пить не хочешь, но все течет и в плане
Перемен не церемонится с особями нашего вида.

Есть порочность, которая отзывается
В душах людей чем-то приятным.
С таким человеком хочешь удить с траверса,
Дева вечером ароматным
Жаждет забыться в его сладких объятиях,
А презревший грех хочет забыться
С ней, родной, но при нем водица
Ее чувств холодна и сад на закате их
Не спрячет в листве. Несчастные правильные.
Такой же правильной казаться
В ответ хочет дева пред тем, кто правилами
Нравственными без вариаций
Живет, и отлетают головы юные
Парней, грех презревших, на плахе
Тоски, и не спасают силы иммунные
От судьбы вдруг стать прахом в прахе.

Слова, чей стиль неброский для сердца так жесток:
«Когда настанет срок», —
Как с трансцендентного какой-то части калька.
И ткнется носом в бок
Фантазмагория: вместо перины галька,
Вместо улыбки злость,
И даже беспросветность горя перспективу
Себя во времени длить на прерогативу
Небытия — пришлось —
Меняет: ясен пень:
Фантазмагория прет без руля и спроса,
Взяв скучный фон дождя, рисуемого косо
Детишками, тем тень
Вновь на плетень, наводя ловко и привычно.
Тьма вечности — протез
С величием чудес,
Которые ему, отдав, из себя вычла
Жизнь: вот и смотрится так тускло и коряво,
Частицу тайн ее, открыв, имеем славу
В рамках открытого, и в тягостных пределах
Слов типовых, как рок:
«Когда настанет срок», —
В боль превращающих нескладность чувств замшелых.

Время — удав гипнотизирует кролика — жизнь.
Самые впечатляющие картины бытия
Раскрывают глубину этого. Сквозь боль улыбнись,
Жуть от сего любовью с девой скрась под песнь соловья.

Сжигаем гипнозом времени ощущаешь масштаб
Бесконечности, необъятности, вселенной, небес,
Особенно по сравнению (если говорить без
Вранья) с величиной самого себя, и тут хоть кляп

Засовывай в рот, крик все равно вырвется в дыры ушей,
В микроотверстия пор, в цвет окружающей тебя
Ауры, в сон, пугающий белибердою своей,
И в итоге заплачешь, о беспечной поре скорбя.

Этого не может быть, это какая-то шутка:
Терзался, дерзал, играл переливами чувств,
Мыслил, что впереди вечность, притом зная, как жутко
Глупо такое мышление, любил, как Пруст,
Дивился превратившимся в старика и старуху
Моим единственным, родившим меня на свет,
Сочинял стихотворения близкие по духу
Миражной эпохе, ныне сошедшей на нет.
Это был путь, и конец его увидеть не чая,
Ни шизофреник, ни камикадзе, ни манкурт,
По нему я шел, то веря, что он не абсурд,
То, не веря, поддерживая тонус чудом чая.
Жизнь не приемлет факт, что может перестать быть жизнью,
Умом — вполне возможно, чувствами — никогда.
Неужто выражают собой: высь цвета льда,
Луг в цветах, дети — не вечность, а миг в токах лиризма?

У нас не готовили драники и я никогда их не ел,
Но жена научилась их делать и стала готовить часто,
И я к ним привык, полюбил их, как любил в то время фантаста
Р. Шекли. Видел в том «плюс» жены, ее домашних забот и дел.

В распространенном людском понимании это было добро.
След добра, его последствия интересно порой проследить:
Златая пора нашей жизни потом перетекла в серебро,
Потом в медь, утратив былую выпренность, беззаботность и прыть,

Жена перестала готовить драники, потому что нельзя
Стало ей жареное есть, а я, бедолага, их полюбил
И просил приготовить их: она ругалась. Так «плюс», что был мил,
И олицетворял добро, превратился, нашу любовь грызя,

Как дед без зубов сухарь, но, все же, грызя, в «минус» и развезло,
Драматично хлынувшим из разверстой хляби разлада, пути
В общее для нас Завтра. Так вырождается антипод зла во зло,
Что смешно, странно, но является реальностью, как ни крути.

Разные бывают глубины
И человеческое имеет глубину,
В которой ему отказывает,
Если замкнуто оно в дурманном плену
Своего чисто человеческого,
Прозревший божественного выси.
То есть такие, где радость духа
И вечность слились как две крови в метисе.
Но наука тоже имеет глубину,
Которая ведет куда-то —
Это лишь человеческое и тем ценно,
Что неизвестно чем чревато,
Хоть ясно, что выходит за пределы
Понятия такого как «плоское»
Ни тем камбобером, каким
Показывая как не плосок, папироскою
Дымит мальчишка. Понятно: это
Не настолько потрясающая ум глубь,
Чтобы ей чваниться, но и ее, вселенная,
Тихой лаской приголубь.

Одиночество, тишина, время —
Варево жизни заколдовывающее меня,
Зримое многими, но не всеми,
Дающее возможность понять даже обиду пня.

Напор энергии в каком-нибудь не простом деле
Губит это колдовство без проблем,
Жизненные удары, которых вы не сумели
Избежать, лишив себя счастья тем —

Отстранившись, уйти в заколдованность вашего Я,
В томность его блуждания возле
Незримого, вывившего гроздь
Звезд как маяки, свет которых служит, чтобы края

Неведомые достичь. Как много у бытия лиц,
Как бликов солнца на каком-нибудь
Пруду, оттого сверкающего, как ртуть,
Вдали от всех обжитых людьми мест, путей, границ.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕЧЕНИЕ.....	3
«Под лучами юга выпела любовь наша...».....	4
К ЖИЗНИ.....	6
«О какой такой особой динамике...».....	7
«Поскольку век людской с мышиный хвостик...».....	8
«Кепка лежит на голове невысокого усача блином...».....	9
«Не бывают дистиллированными, как вода, любовь и гордость...».....	10
«Время социализма — время объяснения поэтов в любви к людям...».....	11
«Образец чего-то сентиментального, детского...».....	12
«Наше время на новизну не слабое...».....	13
ВЕЧЕР С ШУТКОЙ.....	15
«Ты взяла из моей сумки яблоко левой рукой, верно, была левша...».....	16
«Понимание того, как правильно себя вести...».....	17
«Смерть есть только, когда есть жизнь...».....	18
«Любовь к жене — это водой повседневности разбавленное чувство...».....	19
«Топчи, топчи ножками чудо, тебе ж только девятнадцать лет...».....	20
«В бочку меда ясного дня, без тяги к дегтю...».....	21
«Современность, поднимающая тебя на волне своей необычности...».....	22
«Тот я, о котором я ничего не знаю...».....	23
«Какой луг в мае! Все на нем струит запах, дышит, движется...».....	25
МОЙ ЦВЕТОЧЕК.....	26
«Пасмурный, не определившийся в своей роли январь...».....	27
«Несбывшиеся возможности, везде: в любви, в профессии...».....	28
«Ты боишься меня, и мое существование уже есть повод...».....	29
«Любовь, что жаждет длить свой пафос в перспективе...».....	30
«Молодость; чувства возвышенны как державинская ода...».....	31
«Как мы украшаем елку, время украшает себя нами...».....	32

«Жизнь всклень пресытилась богатством времени и судьбы...»	33
«Стоило ли эту жизнь прожить? Стоило...»	34
«Мы в мае покупали помидоры по пять рублей килограмм...»	35
ПОСЛЕ ПРОСМОТРА Ф-А: «СОЛНЕЧНЫЙ УДАР»	36
«Не одна правда. Сонм их. Все серы...»	37
КОНЕЦ ЛЮБВИ	38
СЛАДКОЕ И НЕОБХОДИМОЕ	39
«За то, что лишь мешают, а помогать должны...»	40
«Ты был рабом там, где солнце щедрость свою без конца дарит...»	41
«Отбиваясь от убийцы, учитывать надо...»	42
ЦЕХОВОЕ	43
«Пока до человека что-нибудь дойдет, он такого наворотит...»	44
«Чернеют ветки, бронзовеет небо...»	45
«А чудо то сформировалось, оно уже было готово...»	46
У ПЕЧКИ	47
«Что ж ты не чирикаешь, моя птичка...»	48
«Читая о судьбе принца Фердинанда, Гаврилы Принципа...»	49
«Мысли в дождь: не веря в человечность своей природы...»	50
«В одно и то же чувство любви к тебе, милая...»	52
«Любимая, ты сделала себя чужой мне...»	53
«А и пел соловушка в саду вечером...»	54
«Когда мыслимое вчера так, нынче этак...»	56
НА КАКОЕ-ТО ВРЕМЯ	57
«Аляповатость судьбы нервирует невозможностью чистового...»	58
«Мужчина женщине, раз мы созданы по таким лекалам...»	59
«Новый корвет, своего времени последнее слово...»	60
«Влюбился, но она испытывает тебя на прочность...»	61
«Из тех глубин, где юность, но нет спрутов...»	62
«Сев за стол и от волнения им, словно ступой...»	63
«Больше виноват был мой внутренний мир...»	64
«На холодном ветру, как волосы на голове, мысли сбиваются»	65
«Вечер, крадучись на цыпочках легкого ветерка...»	66
«Вот глядим с фотографии, лбы набычили...»	67
«Мы — это ты, десятиклассник, света и страсти игра...»	68

«Печально, что то, что урезонирует чехарду гордыней и амбиций...».....	69
К ЖИЗНИ.....	70
«Мы одни в комнате, ты злыми, посторонними глазами...».....	72
«Если плевать, выражая этим пренебрежение...».....	74
«Нанизанная на вертел основного инстинкта...».....	75
«Не возводите человека ни в какие...».....	76
«Живет что-то, выражающее нашу суть...».....	77
«Не ругай сильно ограниченность этого мгновения...».....	78
«В борьбе с добром как зло коварно...».....	79
«Июнь, травка зеленая, время летучее...».....	81
«Между насильником без тяги к убийству...».....	82
«Бедный прав своей бедностью пока он бедный...».....	83
«Все хочет стать нашей судьбой, каждая мелочевка...».....	85
МИР.....	86
«Сквозит неравенство холмов у Мандельштама в строках...».....	87
«Сквозь цветение акаций, яблонь и вишен...».....	88
«Мы женились с тобой в другой жизни...».....	89
«Безусловно, культура создает ауру...».....	90
«На оселке времени отточены мысли...».....	91
«Молодость всегда богата началом, планами, иллюзиями...».....	92
«Из правды и неправды, какой ковер соткан...».....	93
«Есть порочность, которая отзывается...».....	94
«Слова, чей стиль неброский для сердца так жесток...».....	95
«Время — удав гипнотизирует кролика — жизнь...».....	96
«Этого не может быть, это какая-то шутка...».....	97
«У нас не готовили драники и я никогда их не ел...».....	98
«Разные бывают глубины...».....	99
«Одиночество, тишина, время...».....	100

Литературное агентство В. Смирнова. Тольятти 2015
ИД № 00092 от 27.08.99.

Плевако Игорь Иванович

ТЕЧЕНИЕ
(стихотворения)

Художник М. Шляпина
Макет, верстка В. Мисюк

Отпечатано в Димитровградской
типографии, ул. Юнг Северного флота, 107.
Заказ №

Подписано в печать 28.05.2015.

Формат 60x84 / 16.

Бумага типографская.

Гарнитура "Peterburg".

Печать офсетная. Объем печ. л. – 6.5

Тираж 200 экз.